

Юлия Рыкунина

Писатели из народа: (авто)биографические тексты и контексты

Writers from the People: (Auto)Biographical Texts and Contexts

This paper is devoted to the specific area of autobiographies of Russian peasant writers and includes both a brief analysis of the main motifs of these texts and of how these texts function. Our purpose was to trace the history of this phenomenon and to underline some of its features. As peasant writers in Russia are always associated with some political or sociological context, it was important to focus our attention on the way these texts had been presented by their publishers (writers or scholars). The crucial point of our research is the comparison between the second half of nineteenth century and also during the so called modernist period.

Автобиографические тексты, созданные авторами, находящимися в стороне от большой литературы, не слишком часто становятся объектом пристального изучения; как правило, они интересны исследователям не сами по себе, а лишь как дополнительный источник сведений о том или ином лице или событии. Автор монографии, посвященной автодокументальным женским текстам, И. Савкина уже указывала на проблему невнимания к маргинальным ответвлениям автобиографического жанра (Савкина 2007: 12). В этом же ряду маргинальных и плохо изученных текстов можно рассмотреть и автобиогра-

фии писателей-самоучек¹. В настоящей статье кратко намечены основные вехи развития и бытования такого феномена как (авто)биография писателя из народа².

¹ Проблемы комментирования, текстологии, а также вопрос о статусе творчества самоучек и о возможной культурной парадигме, в рамках которой его можно рассматривать (например, фольклора или массовой литературы), были поставлены, в частности, в недавней работе Н. Поселягина, высказавшего ряд ценных наблюдений (Поселягин 2013).

² Поскольку автобиографии писателей в основном писались по просьбе издателей (Жолядич 1998: 84), вероятно, отдельный интерес представляют личности собирателей автобиографий и их публикаторы. О важности роли исследователя и культуртрегера по отношению к биографиям писателей из народа писал Б.В. Дубин (Дубин 2001: 123).

Интерес к писателям-крестьянам как к биографическим личностям был продиктован их особым статусом – выходом за пределом привычного, нарушением некоей нормы³: как известно, подавляющая масса крестьянского населения России в этот период не умела не только писать, но и читать, считая чтение чем-то совершенно излишним (Рейтблат 2009: 136). Вместе с тем с самого начала, уже у первых публикаторов, появляется идея если не ‘нормативности’ жизнеописания писателя-самоучки, то некоей ориентации на норму: крестьянин, посвящающий свой досуг творчеству, – это явление, получающее естественное распространение вместе с распространением просвещения⁴. Однако,

³ См. рассуждения Ю.М. Лотмана о человеке, имеющем “право на биографию”: человек с биографией “реализует не рутинную, среднюю норму поведения, обычную для данного времени и социума, а некоторую трудную и необычную, ‘странную’ для других и требующую от него величайших усилий”; так поведение святого кажется ‘странным’ для его современников (Лотман 2005: 805). В некотором смысле биографии самоучек с их предсказуемостью, мотивом странного, необычного поведения и поучительностью строятся по канонам жития.

⁴ Борис Федоров в предисловии к книге стихотворений Егора Алипанова называет последнего примером

несмотря на это, писатель из народа на протяжении всего XIX-го века будет все же рассматриваться как нечто выходящее из ряда вон.

Хотя первые писатели-самоучки оставили автобиографические записки (в частности, Федор Слепушкин и один из первых народных писателей И.И. Варакин), которыми позже воспользовались их биографы (см.: Михайлов 1860), собственно автобиографические тексты писателей из народа, т. е. тексты, написанные самими писателями-крестьянами, начинают публиковаться в 1880-1890-е гг. XIX в.⁵.

Как пишет исследователь биографических нарративов XIX-го века, биографии, ориентированные на изменение существующих норм, появляются “в связи с оживлением публичной жизни, общей либерализацией, ослаблением цензуры”

редкого дарования и свидетельством того, “что просвещение разливается между нами – плод благоденствия народного под скиптром мудрого Монарха” (Алипанов 1830: 1).

⁵Специального исследования заслуживает, на наш взгляд, деятельность известного слависта А.И. Яцимирского: в его фонде в Пушкинском доме хранится огромный массив автобиографических текстов писателей из народа, лишь несколько из которых были опубликованы.

(Калугин 2006: 180). Очевидно, судьба поэта-самоучки становится предметом общественной рефлексии в 1860-70 гг. Подтверждением этому служит, в частности, стихотворение поэта и беллетриста Александра Константиновича Шеллера *Самоучка*, опубликованное в 1870 году в журнале «Дело», в котором с особым пафосом зафиксированы основные 'мотивы' многих биографических текстов писателей из народа. Приведем текст:

Мужик и нищий по рождению,
Душою чуткой с детских лет
Рвался ты к книге и ученью,
Как рвутся узники на свет.

На чердаке ночной порою,
Забыв и сон, и детский страх,
Перед украденной свечою
Лежал ты с книгою в руках.

Бог знает, как во мраке ночи,
Дитя безграмотной семьи,
Твои заплаканные очи

Следить за буквами могли.

Но всё же ряд великих истин
Ты уловил назло судьбе,
И угол твой стал ненавистен,
Как место лобное, тебе.

На самовольное изгнание,
Дитя, решился ты тогда,
Чтоб воевать за право знания,
За право вольного труда.

Какие дни, какие годы
Среди обид и нищеты,
Герой бестрепетный свободы,
За право знания прожил ты!

Но бой окончился победой,
Теперь ты опытом богат,
Иди же в путь и проповедай –
Купил ты это право, брат.

Пускай в тебя летят камни,
Но не врагам того смутить,

Кто мог оков тяжелых звенья
Рукою скованной разбить.

Здесь, как мы видим, основной акцент делается на риторике борьбы и преодоления: писатель-самоучка из мирного поселенца, семьянина, довольного своим положением и на досуге пишущего стихи (именно такой образ в 1820-30 гг. создавали первые издатели самоучек)⁶, превращается в бойца и героя, противостоящего в том числе своей семье. В то же время социальная риторика была не очень свойственна самим народным писателям, скорее она привносилась издателями, выполняя роль некоей рамы (см. предисловие Семевского к автобиографии Дрожжина в Дрожжин 1884а: 500). Появление в сфере общественного внимания биографических и автобиографических текстов писателей из народа происходит на фоне повышенного интереса к автодокументальному жанру как таковому: прежде всего это относится к автобиографиям, дневникам и воспоминаниям

⁶ Так, публикатор биографии поэта Егора Алипанова писатель Борис Федоров подчеркивает, что Алипанов “совершенно доволен своим состоянием, радуется своему жребию, не желает ничего излишнего и вся цель трудов его – есть усердие к пользам господина и попечение об матери, сестре и об семействе своего брата” (Алипанов 1830: III - IV).

известных исторических личностей. Именно этому материалу были полностью отданы страницы журнала «Русская старина», основанного М.И. Семевским в 1870-м году. Характерно, что другая сторона деятельности Семевского была связана со стремлением запечатлеть не исторические события, а современность в ее всеохватности (см. изданный им альбом автобиографий *Знакомые* с его подчеркнутой идеей внеиерархичности, Семевский 1888: 6). В этом контексте – ориентации на современность и внеиерархичность, а также, конечно, общего ‘пореформенного’ интереса к выходцам из народа, – можно рассмотреть факт появления в это же время на страницах журнала Семевского автобиографии самоучки С.Д. Дрожжина. Эта обширнейшая автобиография, впервые опубликованная в «Русской старине» в 1884 (№ 9-11), впоследствии много раз переиздавалась с дополнениями (см. например: Дрожжин 1900, Дрожжин 1915, Дрожжин 1923), писалась на заказ для народных журналов (Дрожжин 1915: 97) – и, по-видимому, неизменно находила отклик в таком же читателе ‘из народа’. Еще один значимый в этом контексте историко-культурный факт – выход в

1886 году сборника И.С. Ремезова *Материалы для истории народного просвещения в России. САМОУЧКИ*.

Характерно, что Ремезов само появление “самородков” рассматривает как “укор обществу”, как нечто нездоровое: “Исследуя причины появления самоучек и изучая более крупные события их жизни, нельзя не придти к заключению, что автодидакты, во всяком случае, представляют явления ненормальные, указывающие, в свою очередь, на ненормальное состояние современного им общества” (Ремезов 1886: VII)⁷.

Можно выделить основные идеологические контексты, в рамках которых предлагается воспринимать биографические тексты авторов из народа. С одной стороны, публикаторами, как в случае Ремезова, двигало стремление обратить внимание на специфику явления, обусловленного проблемами социального характера, как, например недостатками реформ, проведенных в сфере образования. Еще одна парадигма, в которую может быть

помещен (авто)биографический текст писателя из народа, – это патриотизм, низовой или поощряемый сверху (последнее будет особенно характерно для периода Первой мировой войны). Так, если Ремезов считал явление самородков признаком неблагополучия, то здесь действовала прямо противоположная риторика и фраза “Россия – страна самородков” имела положительные коннотации. Например, в 1892 году был издан сборник биографических очерков под примечательным названием: *Русские самоучки, или Русский человек на все руки горазд и любого немца за пояс заткнет*.

Однако, на чем бы не ставился акцент, сам факт публикации и тиражирования автобиографий писателей-самоучек можно рассматривать как создание своего рода пространства для общественной рефлексии. Так или иначе, опыт преодоления обстоятельств должен был дать образец самовоспитания, биографии этих писателей должны были стать примером для подражания и как бы продемонстрировать, что путь, пройденный автором, чья биография появляется на страницах журнала или сборника, может быть пройден, в общем, любым человеком из низов.

⁷ К причинам этого явления Ремезов относил “отсутствие строгой системы в организации школьного дела, недостаток средств к первоначальному образованию, разрозненность начальной школы с средними” (Ремезов 1886: VII).

Заметим, что феномен писателей из народа усилиями народников и их последователей остается объектом внимания и в эпоху Александра III.

Попробуем рассмотреть подробнее сами автобиографические тексты. Некоторое сходство прослеживается между жанром автобиографии самоучки и романом воспитания; большему сближению их мешает свойственная ряду этих писателей установка на документальность и достоверность. Однако в них можно выделить некий общий сюжет с обязательными вехами. К этим вехам относятся: описание детства и домашней обстановки (причем часто упоминается любовь к уединению, которая потом превратится в постоянный поиск своей 'территории', где писатель может в спокойно обстановке читать и писать); затем – учеба у дьячка, пономаря и т.п., самостоятельное знакомство с книгой (чаще всего, это лубочная книга или какой-то случайный роман); знакомство с более серьезной литературой; первая публикация; вхождение в круг литераторов.

Часто повторяющийся мотив – путь от тьмы к свету, жажда света, свет, который должен сменить мрак и т.п. (Дрожжин 1884с: 310; Разоренов 1896: 11;

Савин 1909: 11 и др.). Свет и просвещенность рассматриваются как благо, как необходимое условие благоденствия⁸. Вместе с тем авторы-самоучки фиксируют устоявшееся представление темной массы, "людей, умом убогих" (Разоренов 1896: 10), с точки зрения которых, чтение светских книг и занятия литературой – это не только бесполезная трата времени (см.: Рейтблат 2009: 136-137), но и возможная причина жизненных несчастий и катастроф. См., например: "Мать укладывала в котомки разные необходимые пожитки, хлеб и печеный картофель; книги же и некоторые свои тетради я уложил от всех украдкой сам, в виду того, что отец и мать занятия мои литературой всегда считали виною всех моих жи-

⁸ В автобиографии Дрожжина это сначала детское представление: "Погоди, дедушка, и мы будем богаты; читать я теперь знаю, а когда ты отдашь меня учиться дьячку, я выучусь у него хорошенько писать, поеду в Питер, буду там зарабатывать деньги, построю тебе на ихнх вместо нашей гнилой избы большущий дом и заплачу весь оброк, который ты должен старосте" (Дрожжин 1884а: 513-514). Позже оно фиксируется в стихах: "Чтобы без горя в мире жить / Народу нужно Просвещение" (Шкулев, Степаненко и др. 1904: 13). Ср. также у Ф. Шкулева: "С наукой жизнь на свете краше / Нам наше сердце говорит: / Туда, где знания свет горит / Идите вы к заветной цели" (Там же: 4).

тейских зол и треволнений” (Дрожжин 1884b: 108)⁹.

Одна из особенностей, обозначившихся в эту эпоху, но пока еще не очень явно и широко, – это стремление писателя-крестьянина войти в большую литературу через знакомство с уже знаменитым, признанным писателем. Иногда это стремление приобретает почти комические формы: “Для того, чтобы должным образом подготовиться к этой (писательской – Ю.Р.) деятельности, я чувствовал настоятельную потребность лично познакомиться с самыми крупными современными писателями и от них поучиться техническим приемам писания. Тургенев и Достоевский в то время уже давно умерли. Оставался один Л. Н. Толстой. Естественно, что меня потянуло к нему” (Тищенко 1903: 3).

⁹ Ср. также: <Родители> “не давали возможности ни читать, ни писать. На мои занятия литературой они по-прежнему смотрели, как на пустую забаву и бесцельное препровождение времени. В будни вместе с женою я исполнял все полевые работы, а в праздничные и воскресные дни, чтобы избежать домашних сцен, уходил в лес или прятался в огороде и там на свободе читал книги и нередко записывал свои горькие думы” (Дрожжин 1915: 69).

Примерно о том же в схожих выражениях будет писать Михаил Сивачев:

Все чаще и настойчивее преследовала мысль: надо отнестись к какому-нибудь крупному писателю – он решит мою судьбу.

Но к кому? Мечталось о Горьком: родной писатель! Но не знал, куда ему написать. К Толстому? Страшно: как ни добр казался по своим произведениям – а ‘граф’ пугал (Сивачев 1911: 24).

Волна декадентских течений, берущая начало в 80-90-х годах, казалось бы, должна была актуализировать и обострить проблему соотношения между творчеством самоучек и главенствующими направлениями большой литературы, то есть пропасть между демократической культурой и подчеркнуто элитарной должна была увеличиться. Однако не всегда это было так. Некоторые, как Федор Тищенко встали в оппозицию к этим направлениям, усвоив себе антимодернистский дискурс (Гладкова 2000: 173). В то же время Дрожжин, который бывал в салоне Федора Фидлера, поэта и переводчика, и должен был сталки-

ваться с посещавшими его декадентами, ничего не пишет о них, если не считать однократного упоминания в ряду других лиц Федора Сологуба. Встреча писателей из народа с литературным модернизмом, характеризующая их взаимным притяжением, происходит уже в 1910-е гг., когда в литературу входит поколение новокрестьянских поэтов. Примерно в это же время в рамках жанра автобиографии самоучки вырабатывается новый поджанр – рассказ о себе, представлявший собой нечто среднее между беллетристическим рассказом с автобиографическими мотивами и человеческим документом¹⁰. В отличие от автобиографий, пишущихся по заказу или по просьбе собирателя, эти тексты существуют уже более самостоятельно, их публикация не носит просветительского и культуртрегерско-

го характера и ориентирована скорее на культурный слой, нежели на читателя из народа. Новый тип писателя-самоучки отличался значительным усвоением поэтики модернистов: в этом ряду можно назвать и Есенина, и Пимена Карпова, и Николая Клюева. Эти писатели творили собственный автобиографический миф. В настоящее время исследователи, авторы новейших биографий Есенина и Клюева, показали, как этот миф конструируется. В частности, Константин Маркович Азадовский в книге, посвященной биографическому тексту Клюева *Гагарья судьбина* проанализировал и деконструировал миф, созданный народным писателем (Азадовский 2004). То, на чем Клюев делал акцент, – крестьянское происхождение, связь со старообрядцами, труд в поле – не всегда соответствовало действительности, а иногда и вовсе было выдуманно. Таким образом, установка на достоверность сменяется ориентацией на вымысел, а в тексте начинает имплицитно присутствовать некий игровой код, требующий разгадки со стороны культурного читателя. В то же время автобиография Сивачева, рассказ Подъячева *Про себя* как будто также созданы с

¹⁰ В этом ряду “рассказов о себе”, опубликованных, в частности, в 1916 году в «Журнале журналов», можно назвать следующие: Пимен Карпов, *Исповедь самоучки* (№ 1), Михаил Сивачев, *Духа не угашайте* (№ 4), Семен Подъячев, *Про себя* (№ 6-8). См. об этом Яковлева 2012: 101. К этому же ряду можно отнести и позднейший автобиографический рассказ Н. Клюева *Гагарья судьбина*. Надо учесть, что наряду с беллетризованными и мифологизированными автобиографиями продолжали бытовать и чисто документальные.

установкой на подлинность, однако их заметная тенденциозность, выраженная поза непризнанного, обиженного судьбой и другими писателями автора резко отделяет их от нейтральных по характеру рассказов самоучек 1870-1890-х гг.

Обратим внимание на то, как эволюционирует у самоучек новой формации такая важная тема, как отношение к городу и городской культуре.

Негативное отношение к городу – общее место в текстах писателей из народа. Если писатель Слепушкин принципиально не хотел никуда переезжать из своей Рыбацкой слободы¹¹; если Дрожжин в письме отцу писал: “Но мне противна эта жизнь и эта столица, называемая Петербургом. Я хотел бы жить постоянно в нашей Низовке и работать там какую бы то ни было работу” (Дрожжин 1884b: 105), то для новых самоучек, в теории от-

вергающих городскую цивилизацию, город иногда становится не только местом, где они вынуждены зарабатывать деньги, но и культурной средой, которая служит для них центром притяжения, тем культурным полем, где только и может проявиться народный талант. Заметим, что в обширной и подробной автобиографии Дрожжина, включающей и его дневник¹², почти не находится места для описания Петербурга, а отдельные локусы его пространства значимы лишь как напоминания о родных местах: так Александровский сад навевает строки о пробуждении природы (Дрожжин 1884b: 102 – 103), Нева напоминает о Волге (Дрожжин 1915: 113); городской трактир будет описан в стихотворении о деревенском кабаке (Дрожжин 1884b: 106).

У новых ‘самоучек’ отношение к городу – резко-негативное – превращается в важную составляющую конструируемой идентичности. Комический пример амбивалентного отно-

¹¹ “Здравый смысл подсказал ему, что не на месте он будет в пышной столице, где он возбуждал бы одно любопытство. Необразованный крестьянин оказался поэтом. Да это небывалое явление! Но лишь только надоест эта новинка, об нем тотчас же забудут и он смешается с толпой. Слепушкин предпочел быть первым в деревне, и, пользуясь неограниченным доверием всех окружающих, с успехом трудился для общего блага” (Альмединген 1885: 34).

¹² Заслуживает внимания сам факт ведения дневника. Дрожжин начинает вести дневник именно в Петербурге, когда он поступает работать в лавку и у него появляется свободное время (Дрожжин 1923: 14). Потребность вести дневник может быть также рассмотрена как факт городской культуры.

шения к городу и к городской культуре, притяжения к ней и демонстративного отталкивания от нее (Поливанов 1992: 498) можно увидеть в автобиографическом рассказе Пимена Карпова. Заметим, что этот рассказ, написанный с установкой на подлинность и исповедальность, в значительной степени тяготеет к беллетризации. Так, связующим мотивом в нем становится поиск “девушки с светлыми глазами”. Лирический герой приезжает в Петербург в надежде встретить “светлоглазку”, попадает в ряд анекдотических историй (путает Обводный канал с Невой, трактир с музеем и т.д.), в конце концов выучивает грамоту по вывескам и настолько “постигает науку слова, что уже печатал передовицы, фельетоны, рассказы и стихи в «Русской Жизни»”.

Характерно, что если самоучки второй половины XIX в. и продолжатели их традиций в XX в. самоидентифицировались через противопоставление себя невежественной темной массе, то самоопределение и идентичность новых народных поэтов, напротив, держится на идее противопоставления себя интеллигенции. В этом было немало нарочитости: крестьянская поддевка, сапоги, прическа ‘в скобку’, – все эти

хорошо известные атрибуты, соотносящиеся с общей программой поведения, становятся значимым элементом конструируемой биографии. Как кажется, рост городской культуры, наблюдающийся с начала 1900-х годов, сделал все эти признаки характерно маркированными. Не анализируя подробно семиотику поведения (пользуясь терминологией Ю.М. Лотмана) новокрестьянских поэтов, укажем лишь на характерный сдвиг: от противопоставления себя своей же среде через апелляцию к книжной культуре – до нарочито игрового педалирования антикультурности и неграмотности.

Надо учесть, что модные (‘модернистские’) течения охватывают, конечно, не всю крестьянскую литературу. Процесс демократизации культуры примерно с 1860-1870-х гг. постепенно вносил в сознание общества идею о том, что писателем может стать практически каждый овладевший грамотой, – и в немалой степени этому, очевидно, способствовала публикация автобиографий и жизнеописаний писателей-крестьян. Отчасти это привело к необыкновенно массовому народному творчеству в 1900-1910-е гг. Здесь можно вспомнить статью Максима

Горького *О писателях-самоучках*, в которой он, исследуя данный литературный массив, приводит отрывки из присланных ему писем. В частности, останавливаясь на мотивах, побуждающие этих людей писать, он цитирует письмо одного крестьянина: “Как мне стало известно, что сочинители получают за записанный лист большие деньги, то посылаю мое описание одному случаю у нас” (Горький 1911: 181). Таким образом, постепенное распространение грамотности приводит к нивелировке собственно творческой составляющей и творческой бескорыстной самомотивации, заставляющей крестьян братья за перо. Происходит дифференциация, заметная любому читателю, отделяющему самоучку-графомана от подлинного таланта.

Между тем в сознании людей культуры еще живет идея народнического просветительства на старый лад, ярко и специфически проявившаяся в годы Первой мировой войны. Жизнеописания, не отмеченные влиянием модернистской культуры или столкновением с ней, написанные в традиции Дрожжина, продолжают публиковаться. Неонародники, как и их предшественники 1870-1880-х гг., ощущают необ-

ходимость собирать и публиковать биографические и автобиографические тексты писателей-крестьян. При этом, насколько можно судить, подход собирателей становится более деловым и прагматичным. Так, в 1916 году В. В. Васильев (Ясав) со страниц изданного им сборника *Русские самородки. Жизнеописания и характеристики* обращается к литераторам и ученым из народа “с просьбою прислать биографические и библиографические о себе сведения по той программе, которая напечатана на обложке” (*Русские самородки* 1916: xii-xiii). На обложке же представлен такой вопросник: имя, отчество, фамилия; число, месяц, год рождения; место рождения; краткая история рода; под какими умственными общественными влияниями происходило воспитание и образование; начало и ход деятельности; замечательные события жизни. Надо сказать, что подобная анкета, задающая формат автобиографического очерка, применялась не только для автобиографий писателей из народа. Так, анкетой, единой для всех писателей, открывался знаменитый альбом Ф.Ф. Фидлера *Первые литературные шаги*, изданный в 1911 году (сдерживающий формат при этом не

помешал некоторым авторам написать обширные, близкие к художественным очерки о себе, тогда как другие отвечали по пунктам и лапидарно). К сожалению, нам неизвестно, откликнулись ли писатели на призыв В.В. Васильева и насколько распространена была практика анкетирования по отношению к писателям-самоучкам, – призванная, как кажется, не ограничить, а сориентировать автора.

Подчеркнем, что в целом, насколько можно судить, автобиография типа *curriculum vitae* не получила широкого распространения среди самоучек ни в конце XIX-го, ни в начале XX-го века, и большинство писателей из народа тяготело к развернутому рассказу о себе, что показал, в частности, и позднейший сборник П.Я. Заволокина *Современные рабо-*

че-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами (1925), – этот сборник, изданный в советское время, включающий несколько обширных автобиографий может стать предметом специального исследования. В тенденции к широте, к подробностям (вроде “засаленного журнала” или “книжек в 36 страниц” из автобиографии поэта Нечаева – см.: *Современные рабоче-крестьянские поэты* 1925: 4), к “психологии” можно увидеть уже не интенцию собирателя, так или иначе задающего рамки повествования, но и стремление самих авторов донести до читателя свой опыт, воспринимаемый как нечто уникальное, имеющее как узко-частное, так и общественное значение.

Библиография

Азадовский 2004: К.М. Азадовский, *Гагарья судьбина Николая Ключева*, Инапресс, СПб., 2004.

Алипанов 1830: Е.И. Алипанов, *Стихотворения крестьянина Егора Алипанова*, тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, СПб., 1830.

Альмединген 1885: Е. Альмединген, *Федор Никифорович Слепушкин (крестьянин-самоучка). Рассказ Е.Н. Альмединген*, ред. журн. «Родник», СПб., 1885.

Бокова 2007: В.М. Бокова, *Семевский Михаил Иванович // С.М. Александров и др. (ред.), Русские писатели: 1800 – 1917, биографический словарь*, Большая Российская энциклопедия, М., 2007, с. 549–551.

Гладкова 2000: Л.В. Гладкова, *Об истинном искусстве. По переписке Л.Н. Толстого с Ф. Ф. Тищенко*, «Октябрь», 2000, IX, с. 173–177.

Горький 1911: М. Горький. *О писателях-самоучках*, «Современный мир», 1911, II, с. 178–209.

Дрожжин 1884а: *Поэт-крестьянин С. Дрожжин в его воспоминаниях. 1848–1884*, «Русская старина», 1884, IX, с. 503–522.

Дрожжин 1884б: *Поэт-крестьянин С. Дрожжин в его воспоминаниях. 1848–1884*, «Русская старина», 1884, X, с. 93–122.

Дрожжин 1884с: *Поэт-крестьянин С. Дрожжин в его воспоминаниях. 1848–1884*, «Русская старина», 1884, XI, с. 307–334.

Дрожжин 1900: *Жизнь поэта-крестьянина С.Д. Дрожжина (1848 – 1900), описанная им самим*, Читальня народной школы, СПб., 1900.

Дрожжин 1915: С.Д. Дрожжин, *Жизнь поэта-крестьянина С.Д. Дрожжина (1848 – 1915 гг.), описанная им самим, и избранные стихотворения*, Ред. журнала «Юная Россия», М., 1915.

Дрожжин 1923: С.Д. Дрожжин, *Автобиография с приложением избранных стихотворений*, Девятое января, М., 1923.

Дубин 2001: Б.В. Дубин, *Биография лубочного автора как проблема социологии литературы // Слово – Письмо – Литература: Очерки по социологии современной культуры*, Новое литературное обозрение, М., 2001, с. 120–124.

Калугин 2006: *Русские биографические нарративы XIX века: от биографии частного лица к истории общества // Г.В. Обатнин, П. Песонен (ред.), История и повествование: сб. ст.*, Новое литера-

турное обозрение, М.; Каф. славистики Ун-та, Хельсинки, 2006 (науч. прил. вып. 56). Под. ред. Г.В. Обатнина и П. Песонена, с. 178-195.

Карпов 1916: П. Карпов, *Авторы о себе. Исповедь самоучки. Статья автора романа Пламень Пимена Карпова*, «Журнал журналов», 1916, I, с. 18-19.

Лекманов, Свердлов 2011: О. Лекманов, М. Свердлов, *Сергей Есенин: биография*, Cognus, М., 2011.

Лотман 2005: Ю.М. Лотман, *Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)* // Его же, *О русской литературе: статьи и исследования (1958 – 1993): история русской прозы; теория литературы*, Искусство, СПб., 2005, с. 804–816.

Михайлов 1860: И. Михайлов, *Слепушкин и его произведения*, «Сын Отечества», 1860, VIII, с. 201-204, IX, с. 229-233.

Поливанов 1992: К.М. Поливанов, *Карпов Пимен Иванович* // С.М. Александров и др. (ред.), *Русские писатели: 1800 – 1917, биографический словарь*, Большая Российская энциклопедия, М., 1992, с. 497–499.

Поселягин 2013: Н.В. Поселягин, *Проблемы научного издания и комментирования текстов поэзии из народа XIX – XX вв.* // Л.А. Новицкас, А.Н. Першкина, П.Ф. Успенский, А.С. Федотов (ред.), *Текстология и историко-литературный процесс. I, Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 16–17 февраля 2012 г.): Сборник статей*, Лидер, М., 2013, с. 132-142.

Разоренов 1896: *Грезы: Сборник стихотворений, посвященных памяти поэта-крестьянина А.Е. Разоренова: С портр., автобиогр., и несколькими его стихотворениями*, Московский кружок писателей-самоучек, М., 1896.

Рейтблат 2009: А.И. Рейтблат, *От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы*, Новое литературное обозрение, М., 2009.

Ремезов 1886: И.С. Ремезов, *Материалы для истории народного просвещения в России. САМОУЧКИ*, Вып. 1, тип. А.С. Суворина, СПб., 1886.

Русские самородки 1916: В.В. Васильев (Ясав), *Русские самородки. Жизнеописания и характеристики*, Издание С.Ф. Орлика, Ревель, 1916.

Савин 1909: М. Савин, *Автобиографический очерк* // А.А. Тюленев (ред.), *Галерея современных поэтов*, Михайлов и Леонов, М., 1909, с. 11.

Савкина 2007: И.Л. Савкина, *Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века*, Новое литературное обозрение, М., 2007.

Семевский 1888: М.И. Семевский, *Знакомые. Альбом М.И. Семевского, издателя-редактора исторического журнала «Русская старина». Книга автобиогр. собственноручных заметок 850 лиц. Воспоминания. – Стихотворения. – Эпиграммы. – Шутки. – Подписи. 1867 – 1888*, тип. В.С. Балашева, СПб., 1888.

Сивачев 1911: М.Г. Сивачев. *Прокрустово ложе (Записки литературного Макара)*. Книга первая, *Современные проблемы*, М., 1911.

Современные рабоче-крестьянские поэты 1925: П.Я. Заволокин (сост.), *Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами*, Основа, Иваново-Вознесенск, 1925.

Тищенко 1903: Ф.Ф. Тищенко, *Как учит писать гр. Л.Н. Толстой?: С шестью новыми письмами Л.Н. Толстого о писательстве*, типо- лит. т-ва И.Н. Кушнеров и К., М., 1903.

Шкулев, Степаненко и др. 1904: Ф. Шкулев, Н. Степаненко и др., *К заветной цели!*, Литературный сборник, Изд. Отделение Т-ва Типо-Литографии И.М. Машистова Кружка писателей из народа, М., 1904.

Яковлева 2012: Н. Яковлева, «Человеческий документ»: история одного понятия, «*Slavica Helsingiensia*», XLII, Helsinki, 2012.